

A close-up, artistic photograph of a violin. The focus is on the body, which is a warm, reddish-brown color with a smooth, polished finish. Several strings are visible, running diagonally across the frame from the bottom left towards the top right. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, creating a sense of depth and texture. The background is dark, making the violin stand out.

СТРУНЫ

12+

Наталья Черная

Наталья Черная

Струны

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Черная Н.

Струны / Н. Черная — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Говорят шансы единичны и неповторимы, и если упустить момент, удача отвернется. Джена живёт в страхе не реализоваться. Застряв между своими стремлениями, болезненными отношениями и застенчивым характером, возможно её намерения останутся всего лишь мечтами.

СТРУНЫ

Времена меняются. Погода меняется. Стрелки на часах всегда бегут вперед. Вечный круговорот всего сущего. Жизнь пытается одурманить разум, чтобы забыть о реальности. Лишь ты стоишь на месте, глядя вверх, в небо, словно это истинное зеркало жизни, на которое никто никогда не обращает внимания.

По неосторожности, спотыкаясь о камни проблем и обстоятельств, теряешь равновесие и падаешь. Сумка неуклюже падает на асфальт, а ты приземляешься на колени, опираясь рукой о землю, дабы не упасть целиком. Всем плевать на тебя. Они на тебя даже не смотрят. Им все равно где ты: вверху или внизу. Каждый сам за себя. И лишь мимолетная робкая любезность проявляется от какого-то старичка, держащего пакет с мандаринами в одной руке и трость во второй.

–Деточка, ты не ушиблась?–Спросил пожилой мужчина, глядя сквозь толстые очки, увеличивающие его глаза в несколько раз, отчего казалось, будто они занимали все лицо.

–Да, да, я в порядке.

Дедуля скрылся с поля зрения стоило мне поморгать. Поток людей был словно рекой, в которую он нырнул навеки.

Позвольте представиться, я – Джена Рид, та девушка, которая решила повалиться на асфальте среди бела дня, в час пик, совершенно произвольно. Если вы начнете меня судить по первому параграфу, на ум придет несколько характеристик, такие как: неуклюжая, сонная, молчаливая и может даже угрюмая. Хм, что ж, позвольте исправить ваше первое впечатление! Господа, это история не о девушке из группы поддержки, с красивыми ногами и стервозным характером, которая не может найти удобного места для своей пятой точки в этом мире и, уж тем более, не об охотнице за мечтами, верящей, что жизнь – сказка и все появится по взмаху волшебной палочки. Нет, нет. Это история о двадцатилетней мне, которая упустила все подаренные судьбой шансы и застрявшая в обыденности и разрушающей, своей серостью, рутине.

И, как я говорила ранее, погода меняется. Буквально пять минут назад светило солнце, а уже сейчас небо затянуло тучами и на мой лоб приземлилась первая капля холодного, противного, мерзкого дождя.

Я поспешила подхватить свою сумку с асфальта и поправила толстый ремень на плече. Мои ноги по памяти завели меня в метро. Я часто им пользуюсь. Как только я переехала в этот город, метро стало самым экономным, быстрым и дарящим приятное (и неприятное) одиночество, для меня средством передвижения. Несмотря на всех людей, пользующихся этими подземными червячками (как говорит моя подруга), я чувствую себя одинокой. Разглядывая других, как я обычно делаю, слушая при этом музыку, можно немного окунуться в сюжеты их жизней: определить их привычки, характер, куда они могли бы направляться, какая у них могла бы быть работа, какой породы могла бы быть их собака, скулящая от скуки дома...

Я проехала ровно шесть остановок, держа между ног большой чехол и прикрывая его руками, словно это было самое ценное в моей жизни. Когда я доехала до своей остановки, дождь заметно усилился. Мне было все равно намочу ли я, главное, не намочить чехол, висевший у меня на плече и клонивший меня в сторону. Он был почти с меня и весил приблизительно десять килограммов. Но он был важнее, чем что либо. Я заботилась о нем намного больше, чем о себе самой. Некоторые называли меня дурой, другие лишь молча крутили пальцем у виска.

Я добралась домой так быстро, как только смогла. Уже был настоящий ливень, когда я попала внутрь маленькой прихожей. У входа были большие мужские кроссовки, а домашние тапочки исчезли со своего места. Из кухни доносился свист и запах чего-то жаренного, также я услышала включенный телевизор;как и всегда, это были новости. Сняв мокрые кеды, я взяла

чехол с собой в спальню и аккуратно поставила в углу. По пути на кухню, я повесила сумку на ручку двери и сняла мокрую ветровку, вешая ее на спинку стула.

–Я дома!

Мне нравилось появляться дома и нравилось оповещать. Я выросла в семье, где это было принято. И мне всегда было приятно слышать голос родных, вошедших в дом, объявляющий о своем приходе.

–Сегодня ты поздно.-Ответил мужчина.

Он стоял ко мне спиной и оглянулся лишь на мгновение. Перед ним была включена плита, на которой стояла раскаленная сковородка. Он что-то активно там перемешивал.

–Да, репетиция затянулась.

– Угуу... – перед таким его настроением, пропадало желание объявлять о своем приходе.-Тебе хотя бы платят за эти репетиции?

Этот вопрос он задавал не в первый раз и даже не в десятый. К сожалению, я слышала его каждые два дня. Это уже стало обыденностью.

–Тебе помочь с ужином?

Я предпочитала переходить сразу к чему-то, где бы я могла ему помочь, лишь бы не слушать банальные и тривиальные вопросы, которые знала более, чем наизусть. Он не ответил. И я, набравшись смелости, чтобы сгладить момент, подошла к нему сзади и обняла, поцеловав его в лопатку, так как не доставала до плеча.

–А где мой поцелуй приветствия, Лиам?–Я умела обратить его внимание на то, чего мне не хватало. В принципе, как и он.

Он обернулся и мягко, хоть и быстро, одарил меня поцелуем в губы, после чего вновь обратил свое внимание на сковородку. Поняв, что сейчас я больше ничего не добьюсь, решила переодеться прежде, чем замерзну и заболēju.

После ужина и дозы любви, на которой Лиам почти был помешан, он смотрел футбол по телевизору, жуя сухарики, пока я сидела рядом, переписываясь с подругой по телефону.

–С кем разговариваешь?–Спросил парень.

Я не могла поверить, что он оторвал взгляд от телевизора и обратил на меня внимание во время футбольного матча. Скорее всего, там была реклама. Посмотрев на ТВ, я убедилась, что так и было – реклама.

–С Кирой.

Кира – моя лучшая и единственная подруга в этом городе. Никого другого у меня не было. Ну, как сказать? Знакомых и тому подобных больше, чем пальцев на одной руке.

–Ты очень устала?

Мысленно я вздыхала и закатывала глаза, зная, почему он спрашивает. Он всегда задавал этот вопрос, когда чего-то хотел от меня.

–Я иду спать через пару минут. А что?–Даже постель и теплое одеяло не спасет меня от его желаний. Будьте в этом уверены.

Лиам долго на меня смотрел. Я даже оторвала взгляд от экрана телефона, не понимая, почему было такое внимание. Он молча отвернулся, переключая каналы на ТВ. Договорившись с Кирой встретиться завтра, я подлезла к Лиаму и поцеловала в губы, желая ему хорошего просмотра. После этого, отправилась в постель, выключив светильник.

Я не помню, что мне снилось. Сон постоянно, то накатывал, подобно волне, то растворялся туманом. Я поняла, где реальность только тогда, когда почувствовала, как по ногам сползали мои пижамные штаны. Развернувшись, прищурившись, сквозь темноту я увидела Лиаму.

–Ты напугал меня до чертиков!–Мой голос был хриплым и бессильным после сна.

–Я не хотел напугать тебя.

–Что ты делаешь?

Он снял с меня штаны до конца, и я даже не знаю, где они оказались после этого. Его руки обняли мои бедра, приближая меня к нему. Своими крепкими руками, резко подтянул меня к себе.

–Раздеваю тебя.-И мгновение спустя его губы уже оставляли поцелуи на моей шее.

На устах появилась легкая улыбка, а затем я нахмурилась что-то вспоминая.

–Я вообще-то спала!

–И что?

–Что значит «и что»?

Он вытащил руку, которая была под моей майкой на спине и оторвал губы от шеи. В его глазах появился легкий блеск.

–Ты можешь себе спать дальше. Я и сам справлюсь.

Я решила спокойно вдохнуть, вместо того, чтобы фыркать.

–Дело не в том, справишься ты или нет, а в том, что я хочу отдохнуть! Я хочу спать!

Лиам был вспльчивым, и меня настораживало то, как он иногда молча смотрел на меня. Меня беспокоило то, как он хмурился и прятал свои мысли подальше, чтобы я о них не знала.

–Что ж...-он лег на бок, повернувшись спиной ко мне.

Мне стало не по себе. Почему-то я чувствовала себя виноватой, когда лишь попросила не трогать меня. Мне действительно нужно было поспать, да и вставать рано. Сейчас настроиться на секс, полчаса заниматься этим активным кардио и после этого еще полчаса крутиться на месте, чтобы заснуть...этот час с лишним мне нужен был для сна.

–Только не делай вид, что ты обиделся.

Лиам промолчал.

–Здесь не на что обижаться, Лиам.

–Я не обижаюсь.

Я закатила глаза. Сердце стало биться быстрее, кровь прильнула в голову, и мой мозг начал свою деятельность. Сна не было ни в одном глазу.

–Тогда, что за детское поведение?

Он резко повернулся ко мне, из-за чего, если бы я могла, я бы подпрыгнула на месте.

–У меня есть потребности, Джена.

–Думаю, мы удачно справились вдвоем с твоими потребностями перед футболом.

Он фыркнул, понимая, что я сказала правду в глаза, даже не моргнув.

–Спокойной ночи.

Через минут десять Лиам удачно храпел, а я не могла уснуть. Не знаю, сколько я крутилась с боку на бок. Сон забыл обратную дорогу ко мне, это я уже точно поняла. Когда открыла глаза и посмотрела на яркий экран телефона, от чего глаза заболели, и пришлось щуриться, на часах было начало четвертого.

«Начало четвертого».

Встав с кровати, не думая больше ни о чем, мои ноги понесли меня к шкафу. Взяв свои вещи, я вышла из спальни в зал, чтобы одеться. После чего, повесив на спину огромный чехол, я, не отдохнувшая и вымотанная, покинула начавшую меня раздражать квартиру.

Было темно и тихо, как я любила. Это были две необходимые для меня и для него вещи. Тишина позволяла прислушаться к нему, а темнота давала свободу сконцентрироваться на ощущениях. Он лежал рядом, и я себе позволила аккуратно потянуть за собачку молнии. Она легко скользнула вниз со звуком «бззз», раскрывая то, что заставило мое сердце забиться быстрее. Пальцы в предвкушении скользнули по привычному фигуристу телу. Легким движением руки, словно по команде, он встал передо мной. Его изгибы и контуры я знала наизусть.

Я не стала долго ждать. Нервно сглотнув, я села на край стульчика, который был рядом. Потянув его за гриф, он стал на подгрифник, и я цепко обняла его корпус ногами.левой рукой, неосознанно, завернула распущенные волосы назад, а правой держала смычок. Он легонько прикоснулся к струнам, ожидая привычной и знакомой команды.

Я закрыла глаза. Хоть было темно и едва ли что-то видно, лишь смутно различались контуры декораций, но все же, я закрыла глаза. Это была моя привычка. Это был мой ритуал, мой личный способ открыть дверь к моему истинному «Я», к моим чувствам и к моей душе. Легкие наполнились кислородом, задержав воздух на несколько секунд и выпустив его, левая рука оказалась в позиции, на грифе струн.

Я чувствовала, как очищался разум, как все волнения и преграды просто исчезали. Они отходили далеко, на задний план. Когда все мысли затихли, в голове появилась легкая мелодия. Смычок мгновенно повиновался моей правой кисти и нежно, словно ласковая волна, прошелся по струнам.

Я чувствовала музыку. Чувствовала, будто смычок сам аккуратно скользил по струнам, как эти струны вибрировали под подушечками пальцев, создавая мелодию. И я ощущала, как виолончель оживала между моих ног, которыми я ее крепко обнимала.

Музыка шла в *crescendo**, и ноты срывались со струн с каждым движением смычка. Это была прелюдия контрастов, с красочными перепадами октав, темпа и вибраций.

**Crescendo*: постепенное увеличение силы звука.

Было начало седьмого, когда Лиам проснулся и появился на кухне. Завтрак и кофе были готовы, словно по расписанию.

–Доброе утро.-Он подошел ко мне, словно ни в чем не бывало, и нежно обнял, оставляя легкий поцелуй на шее.

–Доброе утро.

Вернувшись домой, я даже не стала переодеваться.В моих руках уже была большая и горячая чашка чая, согревающая меня после длинной и холодной прогулки.

–Где ты была?

Лиам стоял сзади, что позволило мне положить голову на его грудь.

–Гуляла.-Мой ответ был тихим.

–Всю ночь?

Я знала этот тон. Недоверчивый, подозрительный, обвиняющий в чем-то тон.

–Я проснулся, и тебя не оказалось рядом.

–Не могла уснуть.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его дыхание становилось все чаще, а это значило, что он нервничал, и это могло стать результатом утреннего скандала.

–Ясно.

Он резко отстранился, положил яичницу в тарелку, взял чашку с кофе и сел за стол. Ни на малейшее мгновение он не посмотрел в мою сторону.

–Что-то не так?-Какой черт потянул меня за язык?! Без понятия. Но иногда я просто не могла молча смотреть на то, как он самостоятельно себя накручивал.

Лиам продолжал жевать, будто не услышал моего вопроса. Я села за стол напротив него.

–Лиам.

–Что?!-Его тон мне не понравился, но я не стала обращать на это внимания.

–Поговори со мной.

Он кашлянул и откинулся на спинку стула.

–Мне не нравится тот факт, что ты исчезаешь по ночам, где-то ходишь, возвращаешься под утро, как ни в чем не бывало. Даже если после всего ты ведешь себя как самая лучшая хозяйка, это не значит, что я дурак и ничего не вижу.

Мне на ум ничего не приходило. Я молча сидела, выслушивая его монолог.

–Просто подумай о том прежде, чем что-то сделать.

–Ты меня обвиняешь в измене, или я что-то упустила?

С Лиамом всегда нужно было читать между строк. Он промолчал.

–При всем уважении, ты идиот!

Я не собиралась больше сидеть, поэтому встала и пошла на кухню, которая была в двух метрах. Облокотившись на столешницу, я осталась стоять спиной к столу, чувствуя как в груди что-то тряслось. Лиам оказался рядом спустя пару секунд и развернул меня лицом к себе.

–Прости, я погорячился.

Он крепко обнял меня, положив свой подбородок мне на макушку. Мне было нечего ему сказать. На ум не приходило ничего, вообще.

–Завтра надо заплатить за аренду.

–Я тебе отдам свою часть сегодня.

Мне нужно было подсчитать сколько у меня осталось на счету. Я не работаю, у меня на это практически нет времени. Все, чем я занимаюсь – это музыка. Музыкальная консерватория платит стипендию, на которую не разгуляешься. Если бы я жила одна, я бы едва смогла оплатить все счета. Поэтому я живу с Лиамом. Мы съехались чуть больше полугода назад, он оплачивает две трети расходов, лишь аренда оплачивается пополам. Таков уговор. Если я еще правильно помню, все это была его идея.

–Угу..-мурлыкнул он.

Его губы спустились по шее вниз, и это был очевидный признак его потребностей. Другими словами это не назовешь. Неожиданно для себя, я стала искать взглядом часы на стене.

–Лиам, я опоздаю на лекцию.

Но прекращать он не собирался.

–Ничего страшного, если ты пропустишь одну пару, детка.-Ответил парень.

Да, ничего страшного, если я не добьюсь сольной партии виолончели. Ничего страшного, если я не докажу свое мастерство и вместо первого состава, я буду во втором. Ничего страшного, если я вообще не буду выступать на концертах, если меня нет ни на лекциях, ни на репетициях.

–Лиам, у тебя работа через час.-Благо небесам, я нашла часы на стене, на которых было почти семь утра.

Лиам больше переживал за свою работу, чем за мои лекции и ему уж точно не стоило опаздывать. А с пробками в этом городе было проблематично доехать куда-то вовремя.

–Я рискну.

Моя майка уже была поднята к груди, а пуговица и молния джинсов расстегнуты. Все было предусмотрено и понятно. Я удержалась, чтобы не закатывать глаза и не вздыхать.

–Ладно, только быстро.

После двух лекций пришлось менять аудиторию. По пути я встретила Киру. Как всегда, она сияла от счастья, улыбалась во все тридцать два зуба, а в руках было лишь пару папок. Ей всегда было легко. Мне приходилось каждый день нести на плечах чехол с виолончелью.

–Третью лекцию отменили. -Сказала Кира и прижалась чуть ближе к стене.-Да и все оставшиеся лекции тоже.

В коридоре был огромный поток людей. Я сняла со спины чехол и прижала его к груди, закрывая своим телом от проходящих и толкающихся студентов.

–Что за щедрость?

Поток уменьшился, и я вернула на плечо чехол. Он вечно клонил меня то в одну, то в другую сторону из-за своего веса.

–Ты не знаешь? Вся консерватория стоит на ушах!

Брови удивленно поползли вверх. Это был явный намек, что я чего-то не знала.

–В город приехал Кристоф Эванс!-Воскликнула Кира, жестикулируя руками.-Только не говори, что ты не знаешь кто это! Как тебя вообще в академию приняли?!

Несмотря на серьезный тон Кира часто говорила всякие глупости. Я лишь усмехнулась.

–Я много слышала о нем.

–Он величайший дирижер нашего поколения!

–И что тут такого?

Кира чуть не уронила папку, успев ее поймать.

–Джена, он проводит прослушивания. Именно поэтому отменили занятия.

Незаметно я убавила шаг, чувствуя, как моя амбициозность просыпается.

–Сегодня он прослушивает струнные!

Кира смотрела на меня внимательно. Она догадалась, что я ни о чем не знала. Я, которая едва не переехала жить в эти коридоры и, при этом, не знала, что приехал сам Кристоф Эванс.

–Только не говори, что ты даже не записана...

Мы поспешили добраться до нужного коридора, где была выстроена очередь из студентов. У каждого из них был чехол или футляр. У кого-то он был большой, как у меня, у кого-то меньше. У входа в аудиторию стоял профессор с чем-то в руках. Подойдя ближе, я увидела длинный список.

–Миссис Доун, здравствуйте, я хотела бы записаться на прослушивание.-Протараторила я.

Пожилая женщина посмотрела на меня через очки, улыбнулась и стала листать бумаги, периодически увлажняя кончик пальца языком.

–Хмм...не думаю, что осталось место, мисс Рид.

«Я так и знала».

–Может есть какое-то окно? Каких-то пять минут?

Кира молча стояла возле меня. Я чувствовала взгляды многих конкурентов.

–Хмм...-вновь послышалось со стороны профессора.-А вы уже записаны, мисс Рид.

Я оцепенела. Только что, буквально, я перестала чувствовать кончики пальцев. Я записана. Но я не записывалась. Я об этом даже не знала! Кто меня записал? Не Кира. Может, мой профессор?

–У вас есть около часа на подготовку, может даже больше. Вы знаете пару пьес на память?

Она отлично знала, что да.

–Да, мэм.

Я спустилась в главную аудиторию, где проводились концерты. Она была пуста, и я смогла ее занять с Кирой. Мы успели отрепетировать пару пьес и даже перенервничать.

–Во сколько у тебя прослушивание?– Спросила я.

–Сегодня вечером. Пианистам досталась вечерняя нервотрепка. Зато вам везет-,на ее устах появилась легкая улыбка,-виолончель и скрипка днем.

Час пролетел быстро. Попрощавшись с Кирой, я поднялась наверх, где мне пришлось ждать еще полчаса. В коридоре уже не было таклюдно. Некоторые уже прошли прослушивание, а другие решили либо подготовиться, либо прогуляться.

Я начала нервничать. В желудке словно появилась черная дыра, а руки задрожали. Я не могла сконцентрироваться на настоящем. Мне было трудно удержать какую-то мысль дольше, чем на две секунды. Казалось, в моей голове страшный тайфун монологов, нервов и чувств.

Дверь внезапно открылась. Голову высунул какой-то мужчина, и лишь пару секунд спустя я поняла, что это был мой профессор.

–Джена, вот ты где-прошептал он и поманил меня указательным пальцем.-Ты готова?

–Да, профессор.

–Виолончель настроена?

–Да.-Я не знала, как дальше разговаривать. Было ощущение комка в горле. Мне было сложно даже сглатывать.

–Тогда вперед.

Он исчез за приоткрытой дверью. Мне нужно было набраться храбрости. Вдох. Выдох. Я взглянула на виолончель, которую держала в левой руке и на смычок, в правой, словно на друзей, а не на бездушных объектов.

Зайдя внутрь, я закрыла за собой дверь и осознала, что оказалась в маленькой аудитории. Хотя, это даже не была аудитория, а просто класс. Слева от меня, в нескольких шагах был деревянный, черный стул. Впереди был длинный стол, за которым сидели пять человек. Я знала всех, кроме одного. Незнакомец сидел в центре, глядя в какие-то бумаги, может, это были заполненные анкеты на прослушивание?! Слева от него сидел мой профессор, указывающий взглядом на стул, будто подсказывал, что мне стоило делать. Я последовала его указаниям и оказалась в шаге от стула, смотря не столько на профессоров, сколько на человека, сидящего посередине. Перед ним, на столе, стояла маленькая табличка с его именем «Кри́сто́ф Эванс». Руки начали дрожать. Сыграть перед ним было редким шансом в жизни любого музыканта и даже привилегией, которую я упускать не собиралась.

Кри́сто́ф Эванс сделал какие-то пометки в бланке, и я уже успела потерять счет времени, представляя какие-же ошибки он успел заметить. Мужчина отложил бланк в сторону и взял другой, бегло просмотрев его, он бросил свой взгляд на меня, слегка улыбнувшись уголками губ. Затем серые глаза уставились на меня, а на устах была легкая улыбка.

–Джена Рид?-Голос был приятным. Если бы он пел, я представила, как он поет тенором.

–Да, сэ́р.-В моем голосе было больше уверенности чем во мне в этот момент. Меня всю трясло, сводило желудок, и дрожали руки.

Мой профессор улыбнулся чуть шире, приоткрывая глаза больше, словно намекал на то, что и мне стоило улыбнуться в ответ. Как бы я не старалась, улыбка была бы резиновой, поэтому я предпочла не пытаться.

–У Вас есть готовый материал?

–Несколько пьес.

У него была синяя ручка в правой руке, и он ею что-то быстро пометил в моей анкете. Я была близка к тому, чтобы посмотреть на своего профессора, дабы понять, было ли это чем-то хорошим или плохим. В итоге я сдержалась. Я не хотела нервничать еще больше. Эванс поднял голову, смотря на меня, и жестом руки предложил сесть на стул, стоящий рядом со мной.

–На Ваше усмотрение, прошу.

Я села на край стула и поставила виолончель между ног, придерживая ее бедрами. Легко встряхнув руками, будто избавлялась от нервов, левая рука по привычке оказалась на грифе, а смычок на струнах. Все мелодии словно ушли из моей головы в самый неподходящий момент. Я не могла вспомнить начало ни одной пьесы, пока вдруг меня не осенило, что я только недавно репетировала одну из них. Ее я и сыграла. Я играла так, как репетировала. Все *crescendo*, *forte*, *piano* и *dolce* были отточены. Они появлялись, отыгрывались и исчезали в просчитанную секунду и с натренированным до боли в мышцах руки. Пьеса была быстрой, ритмичной, и я отыграла ее полностью. Было странно. Странно потому, что я слышала как других перебивали,

не разрешая продолжить далее, или давали какое-то задание на выполнение. Со мной было иначе. И я даже не знала, хорошо это или плохо.

Эванс долго смотрел на мою виолончель, а затем сделал несколько пометок ручкой. Сидящий возле него профессор не стал смотреть ему под руку и лишь подмигнул мне. Это меня немного успокоило, хотя сердце все еще быстро и сильно билось в груди, словно стучало кулаками о стену. Кристóф поднял голову и на его лице, вновь, была та еле заметная улыбка, но по какой-то причине, она мне не понравилась.

–Благодарю, мисс Рид.

Я поспешила встать, чувствуя, как в руках пропадает дрожь из-за адреналина.

–Благодарю за ваше время.

Это было единственное, что пришло мне на ум. Ноги сами меня вывели из класса. Миссис Доун все это время держала в руке чехол моей виолончели, за что я ее отблагодарила.

Следующие дни были очень напряженными. Я продолжала нервничать в ожидании списка прошедших прослушивание. Попутно я начала искать работу. Нужно было найти что-то на пару часов каждый день, чтобы я успевала на пары и на репетиции. А также Лиам и я поссорились из-за ерунды. Я лишь попросила его не свистеть в квартире и не петь в душе. В двух словах, зацепились за одно, а далее пошло пятое и десятое. Едва не дошло до скандала. Прошлой ночью я спала на диване. Я не хотела спать в одной постели с ним, демонстрируя свою холодность и недовольство, а он решил не уступать мне кровать.

Тем утром у меня болели спина и голова. Диван был неудобным. Лиам не стал даже разговаривать, ибо он был «обижен». Если и стоило кому-то обижаться, то мне. То, что он иногда говорил в порывах ярости или идиотизма, обижало. Я также не стала с ним разговаривать. После завтрака я направилась на учебу, и после двух пар у меня была свободная минутка, чтобы посмотреть доску объявлений. Там скопилось много студентов, и пришлось пробиваться сквозь них. Хорошо, что я оставила чехол Кире, ибо вдвоем мы бы не протиснулись.

Найдя взглядом список струнных, я читала внимательно и жадно. Из всех, кто был на отборе, в список попали одна скрипка и один пианист. И это была не Кира, а какой-то Саймон. Виолончели не было вообще.

–Вы только посмотрите!

Слева от меня толпа расступилась, пропуская среднего роста студента с пухлыми щеками. Мы не любили друг друга с самого начала. Это отдельная история, на которую я не буду тратить время. Лишь упомяну, что он был в главном составе музыкального оркестра, до моего прихода. При этом, я ничего не имею со скрипачами, и я вовсе ни к чему не причастна, только к своей виолончели. Но ему было без разницы кого винить. Поэтому, отсюда моя студенческая жизнь из *legato** перешла в *staccato***.

**Legato*: связное исполнение звуков, плавный переход одного звука в другой, пауза отсутствует.

***Staccato*: звуки исполняются отрывисто, отделяя один от другого паузами.

–На твоём лице одно разочарование, Рид.-Ухмыльнулся он.-Если уж ты не попала в список, то никому не суждено.

Карими глазами парень прошелся по короткому списку, и с его уст сползла улыбка.

–Полностью солидарна.

После учебного дня и репетиции я пошла с Кирой выпить горячего шоколада. Мы обе были расстроены, что нас не выбрали в состав знаменитого дирижера.

–Это отстой. Полнейший отстой.-Она нервно кусала губу.-Как говорит моя мама, нам не стоит беспокоиться, потому как вскоре будет еще один шанс. Все придет.

Эти слова меня не подбадривали. Почему? Все просто. Такие шансы бывают раз за всю жизнь. Я помню, как упустила самые важные шансы, прислушиваясь к родителям или к друзьям и забывая о голосе своей интуиции, о зове своего сердца. Когда я вспоминаю об этом и думаю, что могло бы быть, и какие вершины я могла бы добиться, а вместо того я здесь – в груди что-то сжимается и болит. Грусть, в буквальном смысле, заполняла меня полностью: от кончиков волос до пальцев на ногах. И дрожь. Дрожь пробирала меня насквозь, словно миллион маленьких иголок.

– Земля вызывает астронавта Рид. Просим спуститься к периметру досягаемости коммуникации.

Кира умела меня развеселить и знала, когда мне это действительно нужно.

– Я начала искать работу. – Это была не лучшая тема разговора, но лучше эта, чем мой горький опыт.

– У тебя есть на нее время?

– Нет, но найду.

Кира взяла меня под руку. На улице было прохладно. Солнце давно зашло, и уличные фонари включились около часа назад.

– Как?

– Буду меньше спать, Кира.

– А твой муженек не думает там... например, работать побольше?

Я знала, куда катился этот разговор, и говорить о том, каким хорошим был мой парень в глазах других было одно, а делиться с Кирой, какие у него замашки на самом деле – совсем другое.

– Это будет доходом для меня.

– Конечно, это хорошая идея. Но, Джена, ты и так мало спишь. Ты вообще хочешь перестать спать?

– Мне придется меньше репетировать.

Она резко остановилась и заставила остановиться и меня тоже. Я едва не пролила горячий шоколад на куртку.

– Ты? Меньше репетировать? У тебя белая горячка, что ли?

– Почему ты так поздно сегодня? – Лиам сидел на диване и смотрел телевизор. Перед ним была тарелка, в которой еще оставалось немного макарон и стакан с кока-колой.

– Я гуляла с Кирой после репетиции.

Я поставила чехол на свое место и вернулась на кухню. Лиам не сводил с меня взгляда. Он все-же решил поднять задницу с дивана и принести на кухню тарелку и стакан.

– Ты какая-то странная в последнее время. Что с тобой не так?

Брови автоматически полезли вверх. Эти слова меня задевали больше всего. Почему-то именно со мной было что-то не так, а он, ну, сам идеал!

– Все в порядке, а что?

В холодильнике остались вареные яйца и макароны, которые я надумала с удовольствием съесть на ужин.

– Ты странная. – Он стоял неподвижно, держа руки сложенными на груди.

– Я не прошла прослушивание, Лиам. Мне не от чего прыгать от счастья.

– Я о том, что ты стала больше отсутствовать дома и даже не отвечать на мои звонки.

Как-же было хорошо тем актерам, которые умели контролировать свои эмоции. Может даже не актерам, а просто людям. Мне бы научиться такому контролю, чтобы я не разбила ненароком тарелку о голову Лиама. Иногда мне этого очень хотелось...

– Как раз потому что я не прошла отбор, я и стала репетировать больше.

Его серьезное лицо и колючий взгляд меня настораживали. Неужели, он снова, подозревает меня в чем-то?

–Ты могла бы заниматься дома.

–Я так и делала, по началу. Я шла на пары, я училась, я репетировала с оркестром, я приходила домой, я тебе готовила и я репетировала дома, когда ты приходил с работы. –Я бросила вилку в тарелку, та упала издав громкий звон.–В итоге, тебе стало надоедать, и ты отправил меня репетировать в другое место. Я молча выполнила твою просьбу, и сейчас ты меня в чем-то подозреваешь?

–Я просыпаюсь среди ночи и тебя нет рядом, о чем я могу подумать, Джена? Ко всему этому, ты не отвечаешь на мои звонки!

–Я отключаю телефон, когда репетирую. Посторонний звук мне мешает!

Он поставил руки в боки, делая шаг ко мне. Я сглотнула, стоя на своем месте, не подавая виду, что боюсь.

–Это очень похоже на измену, Джена.

Я не терпела, чтобы меня тыкали носом в то, чего я не делала.

–Ты только что перешел черту, Лиам.

Сейчас я не могла думать про вареные яйца и макароны, лежащие в тарелке. Мне было больно и обидно.

–Ты нападаешь на меня с обвинениями, а сам не раз оставался до трех часов ночи дома у какой-то, якобы, подруги, ремонтируя компьютер.

– Ну вот, опять ты об этом!

Лиам развел руками, не зная, что сказать, развернулся и вышел из кухни, но почти сразу вернулся, подошел к холодильнику и открыл его, словно что-то забыл.

– Опять об этом?! Лиам, я не уверена что техник, каким бы близким другом он не был, будет ремонтировать ноутбук подруге до трех часов ночи!

–Это разные ситуации. Не сравнивай! Я, по крайней мере, зарабатываю и приношу домой деньги!

–Я понятия не имею, как ты зарабатываешь в три часа ночи...

Я чувствовала, как вот-вот все превратится в истерику, и я сорвусь. Срываться я не хотела. Я считала себя сильной не смотря на ком в горле, на боль в груди и на наворачивающиеся слезы. Я не хотела истерить, я не любила это делать. Но когда меня трогали за живое, я не терпела. Не с Лиамом. Он знал какие слова говорить, чтобы сделать мне больно, по крайней мере мне так казалось. Может его друзья правы, и он меня безумно любит и то, что говорит, он говорит, не думая. Но он был старше меня и в жизни опытнее. Он должен думать прежде, чем говорить.

Чувство голода, как рукой сняло. Я глотнула комок поглубже и вышла из кухни. Мне ничего не оставалось делать, как просто уйти. Уйти и не оглядываться. Я хотела быть одна. Я знала, что Лиам не пойдет за мной. Он никогда за мной не ходил, редко просил прощения и всегда ждал, чтобы я сделала первый шаг. А я уставала от этого, ровно настолько, насколько это было возможно.

–Ты куда?–Услышала вдогонку его голос, когда была у двери с виолончелью на плече.– Джена!

–Репетировать.

–На улице дождь, ты с ума сошла?

Я не заметила, что там был дождь. Осознала это лишь, когда грянул гром. Дождь был сильным, я его слышала. Мне не хотелось оставаться дома при такой погоде. Мне нужно было мое личное пространство, и здесь я его не нашла. Мне требовалось поиграть пару часов, чтобы успокоиться, и эта квартира НЕ была вариантом.

–Я буду поздно, не жди меня.

Забросив чехол на плечо, я захлопнула за собой дверь и ушла.

Было уже поздно, когда я наконец дошла до аудитории. Она была пустая, темная и спокойная, как всегда. Как раз то, что мне было нужно. На сцене горела лишь одна лампочка, освещающая центр. Я всегда садилась под ней, чувствуя легкое, едва осязаемое тепло от света. В этот раз было все точно также. Я тихо сидела на стульчике, держа виолончель между ногами. Джинсы были мокрыми, как и куртка. Последнюю я могла хотябы снять, чтобы мне не было так холодно. Волосы промокли от корней и до самых кончиков. Капли срывались, капая за шиворот и провоцируя волну мурашек по коже. Мне захотелось крикнуть, но я лишь прикусила губу, сдерживая в себе этот, почти неконтролируемый, порыв. Я лишь перевела дыхание, сосредоточившись на деле.

Включила плеер, надела наушники, нашла нужный саундтрек и нажала на *play*. Я прослушала мелодию внимательно, осторожно, замечая трели, смены ритма и крадущееся по струнам вибрато. Я слушала музыку и играла с закрытыми глазами, наслаждаясь каждой нотой, словно во всем мире не было больше ничего, кроме меня, смычка, инструмента и этой мелодии. Саундтрек играл, и я стала исполнять партию соло виолончели. Композиция была медленной, тянущейся и очень эмоциональной, словно композитор передавал все свои толи тоскливые, толи болезненные чувства. В моем случае, последнее. Партия была тяжелой, особенно, если ты ее чувствуешь душой. Пальцы путались в струнах, они дрожали. Да, струны дрожали тоже, но главное – пальцы. Меня удивила смиренное движение правой руки. Смычок продолжал ласкать струны, словно зализывал раны инструмента. Мои раны.

Сердце билось больно и усердно, доказывая, что еще бьется. В груди что-то мерзко ковырялось, словно кобра, не нашедшая себе места. Желудок скрутился не то от обостренных чувств, не то от голода. В горле вновь появился комок, а в глазах запекло. Пекло так, словно глаза что-то разъедало. Наверное, это была тушь. Из уст выскочил первый всхлип, и я прикусила губы. Я не хотела, чтобы меня кто-то слышал. Если это была музыка, еще полбеды, но не меня. Не мой голос, не мои всхлипы, не мои эмоции, не меня.

Я не прошла прослушивания, и это был еще один потерянный шанс в моей жизни, добавившийся в коллекцию скромных и болезненных воспоминаний. Лиам подозревал меня в измене, словно я когда-то давала повод, а ведь даже не смотрела в сторону других мужчин. Это было еще одной каплей яда, отравляющей кровь в венах. Я чувствовала себя абсолютно потерянной и брошенной и лишь когда играла, я могла ненадолго забыть об этом удушающем чувстве. Только тогда, все эти эмоции, не дающие вдохнуть жизнь полной грудью, выходили из меня, облегчая мою душу. Легче думать, легче дышать, легче смотреть. Даже сквозь закрытые глаза, мне казалось, я видела эту мало освещенную сцену, темный зал и себя, играющую на виолончели.

Ноты сорвались со струн, как и всхлип с уст. Горячие слезы покатались по холодным щекам, всхлипы стали громче. Я понимала, что это была истерика, и не могла больше играть. Я повисла над инструментом, обнимая его руками и рыдая.

Утром я успела поспать пару часов на диване. Признаюсь, я бы предпочла лечь спать в свою постель и сначала, я легла спать в кровать, но Лиам сразу начал приставать, наплевав на мою усталость, злость и слипающиеся глаза. Ему, в силу его черт, наверно, было невозможно понять, что секс на тот момент был более чем неуместен. Поэтому я переместилась на диван. Завтрак, кофе, душ, пару штрихов макияжа, и я выглядела как человек. Пара начиналась рано, и я едва на нее не опоздала. Кира пялилась на меня все полтора часа, а я игнорировала ее взгляд. Несмотря на весь макияж я выглядела не как огурчик. Наверное, я просто не умела пользоваться косметикой.

–Ты в порядке? – Прошептала она, следя краем глаз за тем, чтобы ее не увидел профессор по теории музыки.

Я не ответила.

После пары меня нашел мой профессор, едва не подсакивая на месте.

–Идем со мной! – Раскомандовался он, и, разрешив себе взять меня за кисть, повел по коридорам к другому классу. Я помнила этот класс. На прошлой неделе я провела там пять минут, играя для Кристофа Эванса, который не взял меня в свой состав. – Он ждет тебя внутри.

–Что? – Глаза округлились сами собой.

–Я не знаю, не спрашивай как, просто зайди внутрь и сыграй то, что он тебя попросит.

Сердце снова больно кольнуло, напоминая, что мне стоит дышать, хоть иногда.

–Я не знаю, что пронеслось у него в голове в прошлый раз, и почему ты не в составе. И я не знаю, о чем он думает на этот раз. Просто зайди и сыграй так, как ты умеешь, Джена. Мне с тобой нельзя, на этот раз.-Профессор нежно похлопал меня по лопатке.-Удачи.

«Господи, дай мне сил преодолеть это».

Я сделала два глубоких вдоха, затем постучала в дверь и зашла внутрь. Все было на своих местах. Сегодня за столом сидело лишь три человека, и один из них был Кристоф Эванс. Он сидел посредине, на том же самом месте.

–Да, это было замечательно.-Шептались они.-Просто великолепно.

Заметив меня, мужчины замолчали. На их устах появилась легкая улыбка. Я думаю, это был профессиональный этикет, нежели искреннее дружелюбие.

–Доброе утро, я Джена Рид.-Неуверенно начала я. Мне казалось, что все это было просто шуткой.-Мне назначено.

Крайние мужчины не моргнули и глазом, а Эванс прищурил свои два, глядя на меня сверху вниз. Этот взгляд мне не понравился.

–Присаживайтесь, мисс Рид.-Произнес Кристоф.

Я последовала его указаниям и села на стул, замечая рядом *пюпитр** и *партитуру*** на нем.

**Пюпитр* – подставка для нот, а также настольная подставка для книг, тетрадей.

***Партитура* – нотная запись многоголосного музыкального произведения, предназначенного для исполнения ансамблем, хором или оркестром, в которой все партии (голоса) одна над другой даны в определенном порядке.

–Вы знаете эту пьесу?

Быстрым взглядом я посмотрела на начало, а затем увидела название.

–Да, сэр.

–Сыграйте.

Руки начинали дрожать. Я решила успокоиться, пока доставала виолончель, быстро проверяла струны и осматривала смычок. Это заняло не больше минуты, но нервы не успокоило. Почему-то мои переживания и неуверенность высывались в самый неподходящий момент. Я не стала смотреть на партитуру, ведь я ее знала наизусть; это был второй акт вчерашней пьесы, которую я играла. Также я не стала смотреть на профессоров, их взгляды меня сбивали. Набравшись храбрости и отбросив мысли, оставляя в голове лишь ноты, я начала играть. Я проиграла почти двенадцать тактов, когда услышала:

–Стоп.

Ноты растворились в воздухе без эха, и я встретила с взглядом мистера Эванса.

–Еще раз.

«Хорошо, еще раз».

И я начала вновь. Не знала, что именно Кристоф ожидает от меня, но я хотела быть уверенной. Прозвучало десять тактов и..

–Достаточно.

Я начала нервничать еще больше. В классе повисло молчание. Мужчины с краем смотрели на Эванса, который казался невозмутимым.

–Джентльмены, оставьте нас наедине, пожалуйста.-Только сейчас я вновь услышала его канадский акцент.

Они переглянулись и, молча, вышли из класса, закрывая за собой дверь. Когда я вернула взгляд к Кристофу, он уже стоял перед столом, облачиваясь на него и держа руки в карманах брюк.

–Играй.

Господи, у меня дрожали колени. Мне еще никто не отдавал настолько спокойные приказы. Я привыкла, что мужчина может истерить, размахивать руками и повышать голос. Да, это я про Лиама. Тихий и настойчивый авторитет был для меня открытием.

Прерывистое дыхание выдавало мое беспокойство. Я взяла себя в руки и, несмотря на то, что руки иногда дрожали, я начала играть. Игра уже не была такой качественной, как в начале этого повторного прослушивания.

–Нет, нет.

Я отвела смычок в сторону, прикрывая гудящие струны левой рукой. Я не могла сказать ему, что не понимала, что именно он от меня хотел. Это был бы билет в один конец, из которого я бы никогда не выбралась и не участвовала бы в каких-либо оркестрах или концертах. Если музыкант не знает, что от него требуют – это конечная остановка его карьеры.

–Мне не нужен бездушный робот за инструментом.

Это меня обидело. Я еще не отошла от эмоционального удара Лиама, а сегодня меня вновь доставали высказываниями.

–Я хочу, чтобы Вы сыграли, как вчера.

В горле пересохло. Сосредоточиться было труднее из-за переживаний.

–Вчера?

Вчера я перед ним не играла. Вчера меня не было в этом классе. Вчера Кристофа Эванса не было на струнной репетиции.

–Как вчера ночью. В аудитории. Вы играли.

Дар речи просто отняло, и стало стыдно. Кто-то слышал, как я играла.

–Тяжелая пьеса.-Продолжал он.-Сильное исполнение, эмоциональное.

Хорошо, он не только слышал, он видел. Он видел, как я играла. Стыд покрыл скулы жарким румянцем, и я не могла подобрать нужных слов.

–Я хочу, чтобы вы сыграли сейчас именно так.

Мне казалось, что у меня онемели руки. Я думала, я была одна вчера ночью. Наверное, я его не услышала из-за наушников и не увидела из-за закрытых глаз.

Кристоф потянулся через стол и достал свой шарф, висевший на кресле. Он подошел близко, слишком близко, и встал сзади.

–Уверен, это придаст вам храбрости.

Он закрыл мне глаза шарфом и завязал его на затылке. Я почувствовала приятный запах дорогого парфюма.

–Представьте, что сегодня – это вчера и сейчас ночь. Вы одна в аудитории.-Я не слышала его шагов, лишь перемещающийся голос по классу.-Здесь темно, тихо, и вы одна.

Голос переместился правее, а затем я услышала открывающуюся дверь.

–Будьте откровенны сами с собой и играйте. Позовите, когда закончите. Я буду снаружи.

Дверь тихо закрылась.

Поверить на слово было сложно. Приоткрыла край шарфа и одним глазом осмотрелась. Да, я действительно была одна в классе. Думаю, была уверена, что увижу его сидящим за столом, но его там не было. Я закрыла глаза и сконцентрировалась. Меня переполняло много чувств, и я еще не определила, сколько их и что это были за чувства. Я не стала спешить. Сперва

я успокоила свое сердце и дыхание. Затем, я начала чувствовать свою осанку, свои руки. Я вспомнила, что между ногами была виолончель, и она меня ждала. Мелодия сама напомнила о себе, и я решила ее сыграть. Первые такты напоминали неуклюжие лапки котенка, трогающие воду. Именно так я прикасалась подушечками пальцев к струнам. А затем, я, с каждым тактом, стала приобретать больше и больше уверенности. Мелодия сама вырывалась из под пальцев, смычок обрел собственные движения, будто моя рука зависела от него, а не он от моей руки. Постепенно я начала забывать обо всем, что происходило вокруг, будто весь мир растворился, и я полностью отдалась своим чувствам и музыке. Притяжение было одно, и оно было неземное. Моим притяжением стала виолончель, и ритм моего сердца зависел от ритма его играющих струн.

Пьеса закончилась раньше, чем я этого ожидала, и мне стало мало.

«Я это сделала».

На душе было тепло, будто с плеч упал огромный камень, а на губах появилась легкая улыбка. Посидев еще около минуты, я сняла шарф с лица. Ткань оказалась обмотанной вокруг шеи. Было непривычно смотреть на светлую обстановку после нескольких минут комфортной темноты. И я неожиданно подпрыгнула на месте, едва не вскрикнув, увидев перед собой Кристофа Эванса. Он стоял напротив, возле стола, глядя на меня интересным и углубленным взглядом, держа руки в карманах.

–Вы ведь ушли..-в голосе явно не было уверенности.

–И пропустить такое?-На его губах появилась улыбка.

Я прекрасно помню, как в классе я была одна буквально пару минут назад! Когда он успел зайти? Я не слышала ни открывающуюся дверь, ни его шаги! А я ведь только начала доверять ему.

–Я приму вас в свой оркестр при условии, что вы будете играть именно так.

Вот он, подвох. А ведь правду говорят: «*Бесплатный сыр только в мышеловке*»! Теперь мне было в два раза более стыдно. Меня не только увидели в час моего эмоционального излияния (дважды), но и хотели, чтобы я это делала при других.

–Джена,-я подняла голову, но смотрела на его подбородок– вы уникальна. В вас сочетается и талант, и техника, и качество,и характер. Мне нужны такие музыканты. Мне нужны Вы.

Я вновь залилась краской. Что ж поделать, давно я не получала столько комплиментов от красивого мужчины, да еще и музыканта.

–Не та, которая следует нотам как безумный робот, а та, которую я только что услышал.

Я нервно прикусила верхнюю губу и отвернула голову в сторону. Мне было приятно все это слышать, но я не знала, по силам ли оно мне.

–Я хочу вас слышать такой не потому, что это мое желание, а потому, что вы можете. Не прячьтесь под занавес, вы не улитка.

Он усмехнулся, я это увидела краем глаз и так же усмехнулась в ответ.

–Вы можете идти. Благодарю за пьесу.

Я поспешила спрятать виолончель, смычок и едва не ушла, вспомнив, что на шее у меня все еще был его шарф. Подойдя ближе, я отдала шарф сразу в руки мистеру Эвансу.

–Благодарю за этот шанс, сэр. Это честь.-Голос звучал сильнее и увереннее, чем в начале этого прослушивания. Я удивила саму себя.

–Репетиция завтра в девять. Я договорюсь с ректором, чтобы вас отпускали с пар. Вам больше не нужно будет посещать бывший оркестр. Теперь вы в моем.

Я была на девятом небе! Кира едва не придушила меня объятиями. Она сразу же надумала поехать в ближайший паб или клуб и хорошенько отметить, как этого того заслуживало. Я поехала бы с радостью, да вот только на моей спине была тяжелая виолончель и оставлять ее

где-нибудь я не могла. У меня сердце кровью обливалось, если ее кто-то трогал кроме меня, не то, чтобы отдать ее какому-то охраннику на сохранение, пока мы были в клубе.

Лиам поздравил меня словами и мягкими объятиями, словно эта новость была не очень важной. Иногда мне казалось, что он завидовал, а после эта мысль отлетала. Почему ему завидовать мне? По какой причине? У него была хорошая работа, зарплата, он выучился, были его друзья, и я..

Мы стали мало разговаривать. Мне было нечего ему сказать. Он почти назвал меня изменщицей, что сильно меня ранило. Через пару ночей пришлось перелезть на кровать и спать рядом с Лиамом. К счастью, он не пытался приставать, лишь храпел рядом.

Утром я сильно нервничала даже больше, чем на прослушивании. Мое поведение было любопытным и чудным. Я сумела выспаться, впервые за несколько дней и выглядела свежо и с хорошим настроением. Синяки под глазами удачно скрылись под тонким слоем макияжа.

–Ты красишься?–Спросил Лиам прежде, чем произнести «доброе утро».

Закрыв тушь, я повернулась к нему лицом и одарила его существование волшебной улыбкой.

–Да.

Лучше бы я не видела его мимику. Его ревность, скрытая под равнодушием, умела испортить настроение.

–Я сегодня буду поздно. У меня корпоративный ужин.

–Хорошо.

Я появилась в аудитории за десять минут до начала репетиции. Почти все были на своих местах. Взглядом я увидела место позади виолончелистов и направилась к нему. Кристоф Эванс появился в аудитории, когда я закончила настраивать инструмент. Он выглядел серьезно и строго.

–Доброе утро!–Поздоровался он, и на его устах появилась теплая улыбка. Эта улыбка не подходила к его образу.

В следующие полчаса он знакомил нас друг с другом. Было заметно, что попавшая в список скрипачка не была здесь. Он ее даже не назвал. Меня заинтриговало почему, но задавать такие вопросы дирижеру, ведь я только пришла в оркестр, а уже сую нос во все подряд. В правом углу был Саймон, юноша– пианист, попавший в отбор. Он был высоким, худым, молчаливым и симпатичным. Последнее я заметила под конец.

–И Джена Рид, виолончель.

Я услышала свое имя вовремя и вернулась на нужную орбиту обитания. Как и Саймон, я встала и улыбнулась всем смотревшим на меня в аудитории. Кристоф кивнул головой, и я послушно села на место, смотря на то, как другие представлялись. Они все были словно на подбор и внешне, и талантом. В последнем я была уверена. Саймону и мне выдали папки с инициалами оркестра и дирижера, а также новые пьесы; они были тяжелыми.

–Саймон, Джена-обратился Кристоф,-сегодня вы можете ознакомиться с почерком и характером оркестра. Играть будете завтра.

Музыканты были великолепными. Звучание их инструментов и то, как они сливались воедино, было просто уникальным опытом, от которого у меня пошли мурашки по коже. Сидящий возле меня Дэвид, также виолончелист, был едва ли не безупречным музыкантом, которого я когда-либо встречала. Когда он дочитывал ноты под конец листа, я успела среагировать и перевернуть страницу, на что получила улыбку благодарности. Мне казалось, что этот оркестр, был словно сетью, каждый подключен между собой и все вместе под владением главного компьютера, то есть Кристофа. Между ними было сумасшедшее понимание. Я такого никогда не видела, не так близко.

–К сожалению, сегодня у нас больше нет времени, чтобы пройтись по остальной программе. Репетируйте сами, уделяйте больше времени сложным местам и запоминайте ноты на память! Увидимся завтра в шесть вечера.

Все дружно собирали свои инструменты, пряча в футляры. Я подождала, когда почти все вышли и встала со стульчика как раз тогда, когда Кристоф подзвал Саймона и меня к себе.

–Просмотрите первые две пьесы на завтра. Я хочу вас услышать по отдельности сперва. Саймон и я переглянулись. Это не был заговор, просто совпадение.

–Саймон, приходи завтра в половину девятого. Джена,-я вовремя оторвала взгляд от его шарфа,-в десять.

Всю вторую половину дня я занималась дома и репетировала пьесы. Это было впервые за несколько месяцев, что я играла дома, а не в аудитории. Лиама не было, и было приятно провести время наедине с виолончелью в теплых стенах второй спальни, которую мы никогда не использовали. Под вечер в гости пришла Кира.

–Только не говори, что мистер Эванс тебя привязал к твоей виолончели еще больше, чем ты уже была.-Произнесла она едва, вступив на порог.-Ты скоро спать будешь с этой деревяшкой, Джена!

–Не беспокойтесь, моя сексуальная ориентация не изменится в сторону вырезанных деревьев.

Закрыв дверь, я пригласила ее на кухню, где сразу же поставила чайник.

–Я принесла всяких вкусностей и пару фильмов на просмотр.

Как будто у меня сейчас было время на фильмы, зная, что завтра была первая сольная репетиция наедине с Кристофом. Стоило только подумать об этом, и у меня дрожали коленки.

–Как ты узнала, что я одна дома?

–Лиам скинул мне сообщение и сказал, чтобы я присмотрела за тобой.

Я лишь закатила глаза. Это было в его стиле. Он не мог оставить меня наедине хоть на пару часов. Именно поэтому я убегала в аудиторию среди ночи, чтобы порепетировать и побыть наедине с собой.

–Вы поссорились?-Вопрос Киры был шелбаном в лоб.

–Даже не знаю, стоит ли это называть именно так.

Кира внимательно посмотрела на меня, сидя по другую сторону столешницы. В ее глазах было переживание.

–Что случилось, Джена?

Храбрость я собирала целые пол минуты, и подруга ,молча и терпеливо, ждала ответ. Я любила ее за это – за терпение, за понимание, за ее выносливый характер, когда дело касалось моих негативных периодов жизни.

–Я устала. – Сказать эти слова вслух было маленьким облегчением.-Я стремлюсь всеми силами двигаться вперед, боясь повторить ошибки прошлого и хватаясь за каждую соломинку, которая может привести меня к цели и...-скрестив руки на груди, мне пришлось перевести дыхание,-попутно толкаю Лиама вперед, словно без меня он и шагу не сделает. Он никуда не стремится, и каждый разговор по поводу его возможных целей или развития заканчивается скандалом. Я понимаю, что абсолютно точно сижу у него на шее и расплачиваюсь, как могу, помогаю, чем могу, но ему этого не достаточно. Его вечно выводит из себя то, что я играю. Он недавно сделал мне замечание и сказал, что предпочел, чтобы я нашла работу, ибо музыкой на хлеб я не заработаю.

Глаза Киры каждый раз открывались все шире. Она продолжала, молча сидеть, выслушивая каждое мое слово и смотря как мои жесты, все чаще выдавали эмоции.

–А я не хочу всю оставшуюся жизнь работать кассиршей в Старбаксе.-На глаза наворачивались слезы, и это меня бесило. Бесило так сильно, что злость сковывала руки, и мне хотелось что-то разбить. Я ненавидела тот факт, что такая проблема доводила меня до слез.

–Джена,-Кира перехватила мою руку и сжала между своими-тот факт, что ему не нравится твоя амбициозность, не приведет тебя ни к каким отношениям. Посмотри на меня.

Пока стыд окунул мои скулы в краску, я поморгала, прогоняя слезы, и взглянула на подругу.

–Лиам, как друг, хороший парень. Он смешной, дружелюбный, с ним весело проводить время. Но я не вижу, чтобы он был хорошей партией для тебя. Он старше тебя на несколько лет, и у него явно было много отношений до тебя, поэтому у него уже должен быть опыт взрослого мужчины, а ведет себя как мальчуган, которому в задницу шило засунули. Прости, если перегибаю, но это то, что я вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.